

И.В. ДМИТРИЕВ*

**ОБЗОР ЖУРНАЛА
«CONFLICT MANAGEMENT AND PEACE SCIENCE»**

Conflict management and peace science. – Philadelphia, PA,
2015. – Vol. 32, N 1–4.

«Conflict management and peace science» – американский рецензируемый журнал, выпускаемый пять раз в год. В нем публикуются результаты научных исследований по вопросам урегулирования международных конфликтов, гонки вооружений, принятия политико-управленческих решений в сфере внешней политики, международного посредничества, приложения теории игр к разрешению конфликтов и другим связанным с данной предметной областью темам. Редакционную коллегию журнала возглавляет профессор политологии Геттисбергского колледжа Кэролайн Хартцелл, почетным редактором является профессор политологии Университета штата Пенсильвания Гленн Палмер. Вашему вниманию предлагается обзор номеров журнала за 2015 г.

Открывает первый номер журнала (февраль 2015 г.) вводная статья Пола Диля и Патрика Ригана (*Diehl P., Regan P. The interdependence of conflict management attempts*), объясняющая подход, лежащий в основе составления специального выпуска. Обычно способы и попытки урегулирования конфликтов изучаются по от-

*Дмитриев Иван Витальевич, студент 4 курса отделения «Политическая экспертиза, региональная политика и сравнительная политология» факультета политологии МГИМО МИД России, e-mail: ivandmitriev@live.ru

Dmitriev Ivan, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: ivandmitriev@live.ru

дельности, во временном и пространственном отрыве от других попыток. Пять основных статей выпуска написаны в другом ключе – в них предлагаются варианты изучения мирного урегулирования с учетом взаимосвязей по четырем параметрам.

1. Поскольку в рамках одного конфликта могут использоваться несколько стратегий, предлагается оценивать их влияние на результаты друг друга, а также выяснять, какой конкретно актор предпринимает ту или иную попытку урегулирования.

2. Необходимо анализировать время и пространство на предмет обнаружения взаимосвязей между выбором стратегий в различных ситуациях и причинами повторения сделанного ранее выбора.

3. Наблюдение за связью между применением избранного подхода и динамикой конфликта позволило бы учесть влияние стратегии на следующий выбранный способ урегулирования и собственно на развитие конфликта.

4. Следует изучать долгосрочные эффекты способов разрешения конфликта.

Пример такого подхода к изучению конфликтов демонстрирует статья Молли Мелин (*Melin M. Escalation in international conflict management: A foreign policy perspective*), в которой проводится анализ причин перехода третьих сторон к попыткам применить более действенные способы урегулирования конфликта. На основе данных конфликтов с 1946 по 2001 г. автор строит математическую модель, показывающую значимую роль третьих сторон, действия которых адаптируются к меняющимся условиям, в изменении среды конфликта. Их связи с участниками конфликта играют важную роль, влияя на восприятие всей поступающей информации. В первую очередь при изменении своей политики урегулирования конфликтов третьи стороны ориентируются на прошлые неудачи, изменения природы конфликта, межгосударственные отношения и ранее применяемые подходы, опираясь на обратную связь и изменения в динамике конфликта. Желание использовать множество методов сигнализирует о важности разрешения конфликта, анализ изменений политики позволяет понять мотивы и цели третьей стороны, а также стратегические взаимоотношения с теми, кто находится в состоянии конфликта.

Тему методов, применяемых третьими сторонами конфликта, развивает публикация Ренато Корбетты (*Corbetta R. Between indifference and coercion: Third-party intervention techniques in ongoing*

ing disputes). Отмечается, что модели, предполагающие четкое разделение ненасильственного урегулирования конфликтов и политики присоединения к конфликтующим сторонам, с одной стороны, и интервенции нейтральной или пристрастной третьей стороны – с другой, имели определенную теоретическую значимость, однако это искусственное разделение стало причиной фокусировки большинства исследователей на военных вмешательствах и их причинах, тогда как без внимания остаются факторы, обуславливающие выбор третьими сторонами дипломатических, экономических или военных средств вмешательства. В исследовании предложена модель интервенции как подхода, включающего эти три опции для третьих сторон, которая основывается на теориях формирования и взаимодействия групп. Главный вывод: предпочтения государств определяются сходством их социальной организации с социальной организацией конфликтующих сторон. Государства с более высокой степенью прямого или непрямого сходства скорее будут осуществлять более дорогостоящие интервенции, а государства с низкой степенью сходства с меньшей вероятностью будут переходить к дорогостоящей интервенции в отношении друг друга.

Работа Эндрю Овсяка (*Owsiak A. Forecasting conflict management in militarized interstate disputes*) посвящена вопросу возможности определения способов урегулирования военного межгосударственного конфликта, которые будут применяться международным сообществом. Решая эту задачу, автор строит прогностическую модель вероятности применения ряда методов урегулирования, в том числе убеждения, посредничества, правовых средств, административных методов и проведения миротворческих операций. Кроме того, были сделаны два значимых вывода: во-первых, объем первоначального вмешательства дает четкое понимание того, какие ресурсы государства готовы затратить на разрешение конфликта в будущем; во-вторых, исследование предсказывает высокую вероятность «словесных ловушек», т.е. ситуаций, когда мировое сообщество на словах поддерживает урегулирование, а в реальности не предпринимает активных действий.

Ванесса Лефлер изучила межгосударственные споры с точки зрения стратегического выбора переговорных площадок конфликтующими сторонами и исполнения принятых соглашений (*Lefler V. Strategic forum selection and compliance in interstate dispute resolution*). Три базовые посылки исследования формулируются

следующим образом: особенности метода разрешения конфликтов (контроль над решениями, транспарентность и уровень пристрастности) оказывают влияние на разрешение конфликта и исполнение достигнутых соглашений; мирное разрешение споров – добровольный процесс, а государства стратегически выбирают между двусторонней коммуникацией и посредничеством; производя стратегический выбор площадки, государства основываются на соображениях об исполнимости возможного соглашения. С применением данных проекта «Корреляты войны» строится аналитическая модель, доказывающая релевантность гипотезы об обусловленности стратегического выбора площадки вопросами исполнения будущего соглашения. Автор показывает, что межгосударственные организации особенно эффективны в обеспечении исполнения соглашений, активно и пассивно стимулируя мирное урегулирование, но факторы, способствующие их выбору в качестве медиатора, отрицательно коррелируют с исполнением соглашений.

Первый номер журнала завершается статьей Тобиаса Бёмельта (*Böhmelt T. The spatial contagion of international mediation*), посвященной пространственному распространению международного посредничества. Основная гипотеза исследования, проведенного с использованием базы данных «Проекта поведения в международных кризисах», заключается в том, что посредничество как способ разрешения конфликтов может распространяться от спора к спору в одном регионе. Используя данные о 455 кризисах в 1918–2007 гг., автор подтвердил, что использование посреднического подхода к урегулированию повышало вероятность повторного его использования в отношении других конфликтов в регионе; связь еще более сильна, если рассматривать на предмет наличия попыток медиации период, ограниченный пятью годами до начала конфликта; это еще раз подтверждает, что посреднические усилия в регионе нельзя рассматривать отдельно друг от друга.

Второй номер журнала (апрель 2015 г.) начинается работой Майкла Тирнея (*Tiernay M. Which comes first? Unpacking the relationship between peace agreements and peacekeeping missions*). Традиционно исследователи гражданских войн исходят либо из того, что подписание мирного соглашения между конфликтующими сторонами увеличивает вероятность отправки миротворцев ООН, либо, напротив, из того, что решение ООН направить миротворческие силы увеличивает вероятность заключения мира. Построен-

ная автором статистическая модель на основе данных о конфликтах и заключенных перемириях с 1989 по 2008 г. (с опорой на опыт миссий ЮНОСОМ I и II) показывает, что готовность ООН отправить куда-либо миротворцев увеличивает вероятность подписания мирного соглашения, однако причинно-следственные связи не установлены. Бинарная пробит-модель, в которой в качестве инструментальной переменной используется фактор «Падения “Чёрного ястреба”» (неудачной операции сил США в Могадишо в 1993 г. и последующего сокращения США и другими странами своего участия в миротворческих операциях ООН), демонстрирует отсутствие зависимости между готовностью ООН проводить миротворческие операции в конкретной стране и желанием сторон заключать мир.

Деша Джайрод (*Girod D. Reducing postconflict coup risk: The low windfall coup-proofing hypothesis*) изучила использование иностранной помощи для развития с целью предотвращения государственных переворотов после гражданских войн. Снижение риска государственного переворота является обязательной, но финансово обременительной задачей лидера страны, пережившей гражданскую войну. Некоторые лидеры получают «неожиданный доход» в крупном размере от стратегической помощи и продажи природных ресурсов, который можно использовать непосредственно для защиты от переворотов, т.е. на консолидацию правительства. Главная гипотеза заключается в том, что лидеры направляют значительную часть помощи на развитие, выполняя задачи нестратегических доноров, готовых платить за обеспечение безопасности режима и стимулирование конкуренции в рамках существующей политической системы. Результаты статистического исследования на основе данных 1970–2009 гг. показывают, что при высоком уровне «неожиданного дохода» увеличение помощи для развития не оказывает влияния на риск переворота, при низком уровне – если такая помощь увеличивается с 10 долл. США до 25 долл. США на человека, снижается риск переворотов на 25%. Из этого следуют несколько политико-управленческих выводов для доноров: во-первых, они должны учитывать намерения стран – получателей помощи; во-вторых, они должны понимать, что требования бюджетной дисциплины для выделения помощи странам с высоким доходом (от ренты) не будут исполнены; в-третьих, доноры могут рассчитывать на то, что лидеры стран с низкими дохо-

дами от ренты выполняют условия и обеспечат развитие на основе получаемой помощи, поскольку те таким образом снижают возможность переворота.

Продолжает номер исследование Александра Де Жуана и Яна Пирскаллы (*DeJuan A., Pierskalla J. Manpower to coerce and co-opt State capacity and political violence in southern Sudan 2006–2010*), посвященное анализу влияния количества государственных чиновников на количество случаев политического насилия против власти. Критикуя предыдущие исследования за то, что они проводились на основе агрегированных данных по странам, авторы проводят казусно-ориентированное исследование ситуации на юге Судана с 2006 по 2010 г. Анализ уникальных данных по 75 муниципалитетам показывает, что существует нелинейная взаимосвязь между числом государственных служащих и уровнем политического насилия. При небольшой численности чиновников наблюдается небольшое число случаев насилия, потому что у групп недовольных нет возможности атаковать чиновников, государственные ресурсы малозначимы, а конфликты между сообществами регулируются неформальными местными институтами. При высокой численности госаппарата проявляется эффект умиротворения, поскольку государство способно инкорпорировать группы, нарушающие мир на местах, или эффективно применять к ним насилие. При среднем количестве государственных служащих вследствие неравномерности доступа к государственным услугам и несовпадения позиций неформальных местных институтов и государства наблюдается рост политического насилия.

Дэвид Андерсен-Роджерс в своей статье (*Andersen-Rodgers D. No table necessary? Foreign policy crisis management techniques in non-state actor-triggered crises*) представляет результаты исследования способов урегулирования кризисов, спровоцированных негосударственными акторами. На основе статистического анализа базы данных «Проекта поведения в международных кризисах» автор показал, что государство, переживающее кризис, спровоцированный негосударственным актором, скорее выберет насильственный способ решения проблемы, чем переговоры и посредничество. Это обусловлено тем, что такие действия во время кризисов особенно подвержены проблемам, связанным с получением информации и обеспечением исполнения обязательств, а также несут в себе большие риски потери властью поддержки населения. Информа-

ционные проблемы могут состоять в следующем: во-первых, государство могло не иметь контактов с негосударственной группой до кризиса, что затрудняет понимание ее интересов с учетом ограниченного времени; во-вторых, не всегда понятно, с кем можно вести переговоры; в-третьих, нельзя применить дипломатические способы взаимодействия в рамках международных организаций; в-четвертых, из-за кажущейся слабости негосударственного актора государство менее склонно стремиться к достижению соглашения путем переговоров; в-пятых, государства могут пытаться договариваться с другими государствами, поддерживающими группу – инициатора кризиса, но те не всегда могут оказать на нее достаточное влияние. Исполнение обязательств затрудняют следующие обстоятельства: фракционность, радикальность и слабость руководства негосударственных групп; желание группы использовать соглашение для закрепления своей легитимности, а затем нарушить его; желание государства сражаться с такой группой вместо того, чтобы разрабатывать тактики сдерживания в будущем. Наконец, руководители государства могут счесть переговоры слишком рискованными, потому что они способны повлиять на уровень их поддержки электоратом, особенно если в ходе кризиса происходило насилие в отношении гражданского населения.

В заключение второго номера журнала Гленн Палмер, Вито Д'Орацио, Майкл Кенвик и Мэттью Лейн представляют четвертую версию базы данных по международным вооруженным конфликтам (*Palmer G., D'Orazio V., Kenwick M., Lane M. The MID4 dataset, 2002–2010: Procedures, coding rules and description*), в которой к более ранним сведениям добавлена информация о конфликтах с 2002 по 2010 г., а методы сбора информации, впервые примененные в третьей версии базы, усовершенствованы. Последние данные позволяют определить новые тренды в области межгосударственных конфликтов: с одной стороны, случаи угроз силой и войн между государствами становятся все более редкими, государства предпочитают демонстрацию и использование силы в меньших масштабах и ином виде, нежели предполагает война; с другой стороны, государства все менее склонны желать изменения статуса-кво, участвуя по преимуществу в конфликтах, в которых часть другого государства оккупирована негосударственным образованием.

Третий номер журнала (июль 2015 г.) открывает исследование Томаса Плюмпера и Эрика Ноймайера (*Plümper T., Neumayer E.*

Free-riding in alliances: Testing an old theory with a new method), которые предлагают новую модель проверки теории безбилетника, базирующейся на предположениях о том, что, во-первых, в военном союзе более слабые государства стремятся переложить бремя военных расходов на страну-лидера, во-вторых, степень отставания страны по военным расходам от трат страны-лидера зависит от размера ее экономики. Изучив военные расходы стран НАТО в период с 1956 по 1988 г., исследователи строят модель зависимости роста расходов стран альянса на оборону от роста соответствующих затрат США, а также СССР, если рост затрат последнего превышал увеличение военного бюджета США. Страна не может считаться «безбилетником», если она или повышает военные расходы на такой же процент, что и США, или наращивает военный бюджет на процент превышения роста соответствующих расходов СССР над их ростом в США, а также если в сумме ответ страны на эти изменения не меньше единицы (100%). Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что более слабые союзники перекладывают бремя на лидера, но не подтверждают предположения о связи с размерами страны.

Статья Патрисии Салливан и Йоханнеса Каррета (*Sullivan P., Karreth J. The conditional impact of military intervention on internal armed conflict outcomes*) посвящена проблеме влияния иностранного военного вмешательства на исход гражданской войны. Анализируя данные о внутренних вооруженных конфликтах, авторы демонстрируют наличие частично противоречивой зависимости: поскольку военная поддержка должна укрепить вооруженные силы одной из сторон, она увеличивает вероятность победы лишь тогда, когда для стратегического успеха этой стороне не хватает именно военной мощи. Более слабые в военном отношении повстанцы существенно выигрывают от иностранной военной помощи против правительства, которое увеличивает свои шансы на победу с получением такой помощи, только если сталкивается с равными или превосходящими силами повстанцев и решающее значение имеет обеспечение перевеса в силе, но не в тех случаях, когда обладавшее военным превосходством правительство не смогло справиться с восставшими без иностранной операции.

Продолжает дискуссию о гражданских войнах работа Трейса Лэсли и Клейтона Тайна (*Lasley T., Thyne C. Secession, legitimacy and the use of child soldiers*), задача которой – ответить на вопрос, в

каких случаях и почему повстанческие организации принимают решение об использовании детей в качестве солдат. Авторы проводят количественный анализ базы данных о 108 восстаниях с 1998 по 2008 г., при этом исходят из посылки, что поведение повстанцев рационально и они реагируют на стимулы, проводя анализ издержек и выгод. Организации повстанцев подразделяются на два типа: группы, стремящиеся свергнуть правительство и прийти к власти, и сепаратистские организации, желающие создать новое государство на части территории прежнего. В то время как первым для успеха необходима по большей части военная сила, а признание за рубежом не является главным приоритетом, вторым для реализации своей цели неизбежно требуется международная легитимация. Именно поэтому они, как показало исследование, гораздо менее склонны рекрутировать детей, что осуждается международным сообществом и снижает легитимность. Анализ данных подтвердил, что вовлеченность детей в боевые операции организаций растет, если война затягивается, увеличивается число перемещенных лиц, повышается уровень безработицы среди молодежи или если повстанцы используют финансирование, полученное преступным путем.

Джо Вайнберг и Райан Бэккер в своей статье (*Weinberg J., Bakker R. Let them eat cake: Food prices, domestic policy and social unrest*) предоставляют доказательства взаимосвязи между ростом цен на продукты питания и увеличением количества проявлений общественного недовольства. Для правительств важно не допускать роста цен, какими бы высокими они изначально ни были, так как в таком случае снижается вероятность беспорядков в стране. Авторы обращают внимание на важность цен на продукты питания в исследованиях беспорядков и социального недовольства, а также подчеркивают значимость измерения цен на национальном, а не мировом уровне, и контроля третьих переменных, влияющих на недовольство в обществе.

В заключение третьего номера журнала Мартин Оттман и Йоханнес Фюллерс представляют вниманию читателей базу данных распределения власти (*PSED: A new dataset on the promises and practices of power-sharing in post-conflict countries*). Прошлые исследования постконфликтного распределения власти и его влияния на возобновление конфликта изучались на основе данных о параметрах такого распределения, закрепленных в мирных согла-

шениях, при этом не учитывалась их реализация на практике. Для устранения этого противоречия разработана база данных, в которой собраны данные о закреплённых в мирных соглашениях обещаниях по созданию органов, отражающих распределение власти, и событиях, которые относятся к реализации этих обещаний, применяемым практикам, изменению и упразднению таких органов в течение пятилетнего периода после подписания соглашения. Распределение власти понимается как соглашение между правительством и группой повстанцев о создании учреждений, с помощью которых осуществляется совместный контроль над властью на национальном уровне, а единицей власти является пара «правительство — повстанцы».

В четвертом номере журнала (сентябрь 2015 г.) представлена речь президента Международного научного общества по изучению проблем мира Уилла Мура, с которой он выступил на ежегодном съезде общества в 2014 г. (*Moore W. Tilting at a windmill? The conceptual problem in contemporary peace science*). Выступление посвящено важности точного и тщательного подбора понятий, свободных от влияния политических взглядов и оценок. Автор предлагает свой подход к отбору концептов в традициях Теда Гурра и Чарльза Тилли, при этом показывая на конкретных примерах, как использование популярных в политической сфере понятий вовлекает ученых в нежелательные политические дебаты. Замещая политически окрашенный концепт нейтральным, исследователи поднимаются на более высокий уровень абстракции, в то же время избегая ассоциаций со значением и употреблением слова в практической политике. Однако существует и обратная связь: концепты, используемые учеными сейчас, оказывают влияние на политический дискурс в будущем.

Продолжает выпуск работа Тимоти Аллена Картера и Дэниела Джея Вейла (*Carter T., Veale D. The timing of conflict violence: Hydraulic behavior in the Ugandan civil war*), исследующих влияние погоды на принятие сторонами конфликта решений о проведении конкретных боевых действий в ходе гражданской войны в Уганде. На примере этой страны авторы проверяют сформулированную «гидравлическую теорию», основное положение которой гласит, что осадки влияют на количество боестолкновений, т.е. запланированные на день осадков мероприятия в условиях ограниченности ресурсов и с целью повышения вероятности успеха

отодвигаются на следующие дни, а ожидание неблагоприятной погоды в какой-либо день приводит к досрочному проведению запланированных на него акций. Эта закономерность, как показал анализ баз данных конфликтных событий в Уганде и осадков, может быть выявлена на микроуровне (анализ по дням), в то время как более агрегированные исследования не показательны, поскольку «гидравлический эффект» не влияет на интенсификацию действий, а лишь смещает их во времени, причем на уровне дней.

Мартин Штайнванд разработал формальную статистическую модель влияния иностранной помощи на риск возникновения конфликтов в стране (*Steinwand M. Foreign aid and political stability*). Цель его работы заключается в поиске ответа на вопрос, в каких случаях внешние доноры, стремящиеся способствовать установлению и сохранению политической стабильности в стране, выполняют поставленную задачу. В результате анализа автор приходит к нескольким выводам. Во-первых, страны-доноры могут контролировать изменение объемов поступающей помощи и принимать долгосрочные программы по ее выделению, чтобы резкое сокращение иностранного финансирования в целевом государстве не спровоцировало нестабильность. Во-вторых, даже страны-доноры, которые обладают возможностями для полного устранения риска возникновения конфликтов, проистекающих из прекращения помощи, воздерживаются от этого. В-третьих, политика контроля над стабильностью помощи действительно снижает риск конфликтов лишь в странах, где бюджет не имеет существенных внутренних неналоговых поступлений, а население готово к сопротивлению решениям правительства и конфликту. В других государствах стабильная помощь лишь повышает угрозу конфликта, так как правительства пользуются намерениями стран-доноров, чтобы получить максимальную выгоду.

Тему внутренних конфликтов продолжает исследование Брайана Филлипса (*Phillips B. Civil war, spillover and neighbors' military spending*), в ходе которого рассмотрено влияние гражданской войны на военные расходы соседних государств, при этом учитывается, граничит ли зона конфликта непосредственно с соседним государством. На материале гражданских войн в развивающихся государствах автор показывает, что положительная корреляция роста военных расходов в соседнем государстве и гражданской войны наблюдается лишь в случаях, когда конфликт-

ный регион граничит с таким государством, в иных случаях связи не наблюдается. В ходе статистического анализа вводятся контрольные переменные – изменение военного бюджета страны, охваченной гражданской войной, и (не) участие соседнего государства в конфликте. Установлено, что они не оказывают влияния на связь между его военными расходами и гражданской войной в стране.

Завершая выпуск, Мэттью Фурман и Бенджамин Ткач представляют базу данных, содержащую данные о способности государств создать ядерное оружие за период с 1939 по 2012 г. (*Fuhrmann M., Tkach B. Almost nuclear: Introducing the nuclear latency dataset*). Согласно собранным данным, за этот период создать ядерное оружие имело возможность 31 государство, реализовали ее лишь 10. Первичный анализ данных показал, что наличие такой способности действует как сдерживающий фактор, подобно обладанию собственным ядерным арсеналом, а страны, которые способны произвести такое оружие, более склонны инициировать конфликты, чем не обладающие необходимыми технологиями и ресурсами.